

Екатерина Шульман: Современная молодежь – самое правильное из всех поколений, какие только можно себе представить

Екатерина Шульман. Фото: Facebook

Кто такие – «упущенная молодежь», какой кайф ловят в очереди за айфоном, чем аукнется фото ребенка без памперса в соцсетях и почему мы не видим, что становимся менее агрессивными и более асексуальными – рассказывает политолог Екатерина Шульман.

Представление о смене поколений устаревает

– Сейчас отовсюду раздаются призывы работать с молодежью. Как работать – никто не знает, никто толком не понимает, кто они и что с ними делать. Как видите современную молодежь вы?

– Представление о том, что молодежь – это некие проводники в будущее, это наш завтрашний день, поэтому кто с ними договорится, тот и будет его бенефициаром и хозяином, кажется основанным на некоем неизменном ходе вещей. «Младенца ль милого ласкаю, уже я думаю: прости! Тебе я место уступаю: мне время тлеть, тебе цвести». Но на нынешнем историческом этапе эти, казалось бы, неизбывные истины подвергаются некоторой коррекции.

Во-первых, наша с вами **молодежная страта немногочисленна**: это плоды демографической ямы 90-х, которая, в свою очередь, стала наследницей предыдущего демографического провала Второй мировой войны. Если посмотреть на нашу с вами демографическую пирамиду, видны эти повторяющиеся вмятины – нерожденные дети мертвецов. Эта яма немножко сглаживается с течением лет и будет сглаживаться дальше, если дальнейшее наше историческое развитие пойдет без катастроф, но она есть.

Во-вторых, представление о смене поколений устаревает. Есть такой рассказ у Киплинга – «Поправка маленького Тода», из сборника его рассказов о британской Индии. Там рассказывается, как маленький мальчик забрел на заседание законодательного совета, на котором сидели британские администраторы, и там пересказал возражения своих индийских слуг по поводу предлагаемого закона, по которому перезаключать договор об аренде земли нужно было бы каждые пять лет, а не пятнадцать, как раньше. Они сводились к тому, что за пятнадцать лет человек вырастает и становится мужчиной, рождается его сын, еще через пятнадцать этот сын уже мужчина, а отец уже умер, земля переходит к следующему работнику. Если перезаключать эти договоры каждые пять лет, это лишние расходы, суматоха и деньги на всякие пошлости и марки.

В традиционном обществе с низкой продолжительностью жизни смена поколений идет очень быстро – как раз за пятнадцать лет. Мы сейчас ориентируемся на двадцать пять лет, но ситуация меняется: продолжительность жизни увеличивается. Соответственно, увеличивается и срок активной жизни, и удлиняется срок детства. Я не ожидаю, что через двадцать пять лет у меня наступит «возраст дожития», как это деликатно называет наш Пенсионный фонд, а мои дети будут отцами и матерями семейств и главами домохозяйств. Скорее всего, я еще буду работать, а мои дети, возможно, будут еще учиться, искать себя, у них не будет своих семей и детей, они еще будут молодежью.

Смена поколений очень сильно замедлилась, поэтому с чисто прикладной точки зрения, если вы хотите политической власти и влияния, то работайте с теми, кому сорок. Их много – это многочисленное поколение, дети «советских беби-бумеров», они уже давно на социальной сцене и еще лет тридцать будут проявлять себя социально, экономически и политически. С этой точки зрения молодежь можно немножко оставить в покое.

Тем не менее, пока мы еще не достигли биологического бессмертия, которое нам недавно обещал Алексей Кудрин в перспективе 10-12 лет (правда, не в России), поколения все же сменяются. В связи с этим мне представляется важным исследование поколенческих ценностей, семейных отношений, стилей родительства, гендерного контракта и его изменений.

Когда говоришь «молодежь», «дети и родители», каждый подразумевает что-то свое. Надо помнить, что поколение миллениалов – это поколение людей, которые достигли возраста ранней социальной зрелости к смене тысячелетий. То есть это родившиеся в конце 70-х – начале 80-х. Нынешние двадцатилетние – это так называемые центениалы, поколение Z. Эти два поколения различаются между собой. Полезно помнить, что у человека 45 лет вполне может быть ребенок 20 лет – это социальная норма. Поэтому когда мы говорим «родители», мы не должны представлять

себе каких-то седобородых старцев, мы должны представлять молодых людей в диапазоне от 40 до 55.

У нас сейчас на социальной сцене активны три демографические страты. Люди 60+, рожденные в 50-е, занимают верхние этажи управленческой пирамиды. Есть поколение 40+, их дети, родившиеся в 70-е. И есть поколение новое, которое и есть молодежь, – родившиеся в 90-е и позже.

С точки зрения демографической статистики, наш с вами демографический провал завершается в середине двухтысячных. С 2004-го по 2014-й была зафиксирована высокая рождаемость. Это два кирпича в основании нашей демографической пирамиды: те, кому сейчас от 0 до 5, и те, кому от 5 до 10. Когда они войдут в возраст социальной активности, наступит интересный момент. Хотите готовиться к политическому будущему – сейчас работайте с сорокалетними, а через десять лет ждите новых двадцатилетних, их будет много.

Хотите власти – имейте организацию

Поскольку я политолог, любая демография и поколенческие ценности меня волнуют ровно настолько, насколько они отражаются на политических процессах и политическом поведении. Когда мы говорим о политических процессах, простое количество участников мало что значит. Оно важно, потому что это голосующие, но с точки зрения влияния на политические процессы важно не число по головам, а организованность структуры. Это общий закон, он не знает исключений.

Неорганизованное в политическом пространстве не имеет субъектности, организованное – имеет. Власть всегда принадлежит организованному меньшинству, но вместо того, чтобы печалиться по поводу этого железного закона об олигархии (как это научно называется), организуйтесь – и вы тоже будете обладать властью. Власть – это не игла в яйце, ее можно найти во всех социальных отношениях: в семье, в экономическом обмене, в производстве, в творчестве. Хотите власти – имейте организацию.

Молодежи сейчас мало, но, учитывая, что наша цивилизация в целом ценит молодость и считает будущее и новое позитивными маркерами, участие молодых людей в любом процессе повышает его цену. Если у вас одни пенсионеры, считается, что вы люди вчерашнего дня.

На самом же деле, если вы сможете привлечь голоса и энергию пенсионеров, они долго будут служить вам политическим топливом для ваших нужд и целей. С молодежью как в игре «Скрабл»: если вы на эту клеточку сумели поставить свою букву, то цена вашего хода сразу удесятерится.

Где конфликт поколений?

– На телевидении с некоторой паникой понимают, что потеряли молодежную аудиторию, она ушла в неконтролируемые социальные сети. При этом достаточно много молодых людей вообще отказывается от социальных сетей и активного присутствия в интернете. Где они, что они собой представляют?

– Насчет паники вы очень правы. Она охватывает административную машину – может быть, пока еще с недостаточной силой. Когда они или от их имени говорят о том, что «мы потеряли молодежь», что молодежь телевизор не смотрит, или власти не уважает, или на выборы не ходит, или еще что-то не хочет делать, то молодежь тут – всего лишь псевдоним завтрашнего дня. На самом деле у тех, кто наверху, проблемы не с молодежью, а со следующим поколением, с их

собственными детьми. Они их по привычке называют молодежью, а это уже давно не молодежь. Это люди в расцвете социальной зрелости, и они лишены доступа к принятию решений и политическому представительству.

Сейчас все исследования межпоколенческих и семейных отношений показывают нам интересную штуку. Мы привыкли считать, что конфликт поколений – это вещь, заложенная природой: дети всегда бунтуют против отцов, так уж жизнь устроена. Мы не отдаем себе отчет, до какой степени конкретные социально-исторические условия способны этот конфликт сгладить либо обострить.

Мы сейчас будем говорить об очень больших общностях, внутри которых будет много исключений, поэтому не пытайтесь проецировать эти наблюдения на свои семьи. В самом общем виде картина у нас следующая: люди, рожденные в 50-е годы, очень своеобразно выполняли свою супружескую и родительскую функцию. У этого поколения есть свои особые характеристики: самый высокий уровень разводов и аборт, модус этих разводов и модель последующих отношений родителей с детьми, специфическое половое поведение 70-х и 80-х. Мы не будем сейчас уходить в причины, не будем никого обвинять или оправдывать, просто зафиксируем этот социологический факт.

Это поколение было сорокалетним к распаду Советского Союза. Часть восприняла это событие как величайшую политическую катастрофу, часть – как открывшееся великое окно возможностей, это сейчас не важно.

Важно, что этика и эстетика, политика и экономика 90-х во многом стала отражением представлений о жизни именно этого поколения. Когда говорят, что мы выстроили капитализм по книге «Незнайка на луне» и по карикатурам в «Крокодиле», изображавшим капиталистическое общество, а отношения Церкви и государства – по перевернутым наоборот атеистическим брошюркам и Емельяну Ярославскому, надо иметь в виду, что те, кто строил все это, были воспитаны по-советски.

Поколение рожденных в 50-е – вершина советского воспитания, они прошли полный курс идеологической индоктринации: от детского сада до высшей школы. Война отрезала навсегда память о прежней России, просто физически убив всех, кто мог что-то помнить, а послевоенное поколение стало продуктом советской власти.

Их отношения с собственными детьми, скажем аккуратно, склонны быть сложными. Именно в их случае конфликт поколений проявляется максимально остро. Женщины и в меньшей степени мужчины 40+ – основная клиентура психологов и психотерапевтов, и их запрос – исправление травм из детства.

В поколении рожденных в 50-е конфликт поколений проявляется максимально остро.

Обычно считается, что сорока- и пятидесятилетние обижены отсутствием социального и карьерного лифта: дети генералов доросли до генеральских должностей, а ротации не происходит. Но дело не только в этом. Очень часто конфликт обусловлен тем, что дети представителей этого поколения выросли в распавшихся семьях с очень специфическими отношениями между отцом и матерью. Это дети советских женщин с их особым пониманием своей роли, своих обязанностей, своих прав по отношению к детям и по отношению к действующим и бывшим мужьям.

Дети поколения 50-х уже имеют своих детей. И вот между «детьми» и «внуками» нет конфликта поколений, причем такая тенденция фиксируется не только у нас. Сглаживание конфликта поколений между центениалами и их родителями отмечается везде. Это довольно уникальная ситуация с точки зрения антропологии.

Более всего обращает на себя внимание исследователей то, что дети и родители говорят друг о друге с нежностью и уважением. Это кажется самой естественной вещью на свете – кто ж не любит своих детей, и родителей принято тоже любить. Но в середине двухтысячных картина была противоположной.

Я помню, как читала в «Живом журнале» закрытые женские сообщества, и у меня возникло жуткое чувство, что я среди своих сверстников, а на тот момент мне было тридцать, вообще одна со своими родителями разговариваю. Люди находились в жутком конфликте с родителями: либо вообще не общались, либо ненавидели друг друга, даже телефонные разговоры заканчивались истериками, слезами и бросанием трубки. Мне лично это было дико.

– Типичная история.

– А вот на следующем демографическом шаге это уже не типичная история. Большинство поколенческих исследований носит маркетинговый характер: понятно, что компании хотят узнать, кому как продавать товары и услуги. Тем не менее, мы, политологи, можем много интересного из них извлечь. В исследовании, которое недавно проводилось для Сбербанка, есть такой интересный момент: одна из немногих претензий, которую дети предъявляют к родителям – что те не говорят, как жить, не дают установок.

– Слишком много было установок у них самих?

– Может, было много установок у них самих, может быть, они чувствуют, что время меняется слишком быстро. Родители, в свою очередь, говорят: «Я не знаю, как надо, они, может быть, лучше моего знают». Обычно о том, что впервые в истории человечества следующее поколение знает больше, чем предыдущее, пишут в исследованиях, касающихся цифровой грамотности и сетевого бытия. Обучение идет в обратном порядке, и это, мягко говоря, взрыв мозга, потому что вся наша культура построена на том, что предшествующее поколение передает свой опыт следующему.

Такая передача опыта характерна прежде всего для аграрного общества, где инноваций практически нет, а опыт важнее, чем творчество. После того, как начались последовательные волны промышленных революций, а великие географические открытия расширили горизонты человечества, уже возникала ситуация, когда следующее поколение лучше ориентируется в изменившихся условиях, чем предыдущее.

Но обычно за то время, когда условия жизни менялись, эти новые поколения сами успевали стать взрослыми и родителями. На таком коротком временном отрезке это явление наблюдается впервые. Это очень интересный, новый и мало на что похожий феномен.

Невротическое стремление быстро-быстро напихать в ребенка умения и навыки с тем, чтобы он был подготовлен к жизни, сменилось ощущением, что нельзя в него ничего инсталлировать, потому что мы не знаем, как изменится мир завтра.

Идея, что до 21 года ты учишься всему, что ты должен знать, а дальше только работаешь на этом топливе, уже выглядит утопичной.

С одной стороны, время бежит быстро, а с другой – торопиться некуда: все понимают, что ты будешь обучаться бесконечно, повышая квалификацию или получая новую специальность. От этого понимания возникает желание не тратить совместные с ребенком годы жизни на то, чтобы впихивать в него насильно, как в гуся для фуа-гра, ценные знания и в процессе портить

отношения, а лучше дать ему запас любви, чувство собственной ценности и принятия, которые останутся с ним.

Я сейчас не говорю, что это рациональная или выигрышная стратегия: те, кто получил лучшее образование в молодости, все равно имеют преимущество – не оттого, что они узнали про таблицу Менделеева, а оттого, что у них больше нейронных связей в голове образовалось в процессе узнавания таблицы Менделеева, поэтому их мозг лучше приспособлен к дальнейшему обучению.

Я сейчас говорю лишь о том, что у людей возникает некое ощущение, что главное – это все-таки отношения, любовь. Вот я даю своему ребенку уверенность, принятие – а за этим стоит ощущение, что дрессировка, которую давали родители предыдущего поколения, уже не выглядит такой уж ценной.

Когда находящиеся при власти говорят о молодежи, которую они упустили, они говорят не о молодежи. Они упустили своих детей. Эта формулировка справедлива для значительного количества людей этого возраста, но слава Богу, не для всех – человеческая природа берет свое.

– Упущенные дети – это кто?

– Это те, кого родили люди поколения 50-х годов.

Если мы говорим о молодежных протестах, то это не протесты двадцатилетних против своих родителей. Поколения двадцатилетних детей и их родителей объединяют общие ценности, основная из которых – это справедливость. Их протест проявляется по-разному, в зависимости от возраста.

Сорокалетние и более старшие склоняются к протестам законными методами, и это хорошо и эффективно. Эти люди записываются наблюдателями, подают заявления в суды, пишут жалобы, искусно стравливают одно ведомство с другим, чтобы получить желаемое, организуют структуры, которые защищают права заключенных, женщин, детей, больных, кого угодно. Они успешны в этой деятельности. Протест «внуков» в силу их возраста носит более хаотичный характер.

Вопреки тому, что любят говорить о русском народе, уровень толерантности к насилию у нас низкий, в том числе к государственному насилию. У нас, может, и любят поговорить про Сталина, которого на вас нет, но как только начинаются реальные проявления государственного насилия, это мало кому нравится. Еще точнее, те, кому это не нравится, гораздо организованней и артикулированней тех, кому норм.

Асексуальность – новый тренд, а уровень насилия снижается

– Вы начали говорить про мораль и ценности молодежи. Складывается противоречивая картина: с одной стороны, молодые люди снимают всякие жестокости на видео и выкладывают в YouTube, с другой – очень много новостей, где какой-то старшеклассник кого-то спас.

– Часто цитируют надпись внутри одной из египетских пирамид, что нынешняя молодежь не хочет работать, не чтит богов, старших, хочет только развлекаться и так далее. Переживание по поводу низкого морального облика молодежи и вообще по поводу большего по сравнению со вчерашним разврата – это тоже один из традиционных социальных механизмов передачи опыта. Интересно, что в нынешний исторический момент это утверждение наиболее далеко от истины.

Все те данные, которые мы имеем, причем как американские, так и российские, говорят о том, что все дальше и дальше отодвигается вовлечение молодежи в те практики, которые раньше считались маркерами взросления.

Люди все позже пробуют алкоголь, все позже начинают курить или не начинают вовсе, все позже начинают половую жизнь. Поколение Z вообще гораздо меньше интересуется сексуальной тематикой, чем любое предыдущее. Асексуальность – это новый тренд, и он будет только развиваться.

Все исследования свидетельствуют о том, что нынешняя молодежь – самое правильное из всех поколений, какие только можно себе представить.

Мы, в отличие от авторов египетской надписи, находимся в информационном потоке. Жизнь детей и подростков всегда была довольно жестокой, но эти практики касались только тех, кто в них непосредственно участвовал.

Вырастая, люди забывали об этом, понятие о насилии было размыто, толерантность к насилию была гораздо выше. Считалось, что все мальчики дерутся, это нормально и правильно. Сейчас кто-нибудь так считает? – нет. Следует ли из этого, что мальчики больше никогда не дерутся? Нет, не следует, но отношение изменилось, и это влияет на поведение.

Мы присутствуем при очень медленном отмирании инициационных практик, которые предполагали, что в возрасте полового созревания весь пул молодежи подвергается чему-то, что переживают не все. Кто-то отсеялся, а тот, кто пережил, – уже с боевыми шрамами входит в состав племени и считается полноценным охотником, добытчиком, имеет право на секс, имущество и автономию. Эти практики очень глубоко укоренены в нашем сознании, это сюжет значительного числа волшебных сказок и большинства художественных произведений о взрослении.

Сейчас для того, чтобы стать мужчиной, ты уже не должен убить себе подобного. Постепенно уходят и ситуации, когда тебя должны бить, и ты должен это пережить, или ты должен побить кого-то и, соответственно, пережить это. Мы сейчас не будем говорить, какими будут последствия и чем эти практики будут заменены, просто фиксируем этот факт.

Толерантность к насилию у нас все ниже и ниже, поэтому факты, на которые раньше никто не обращал внимания, становятся предметом обсуждения и возмущения – к тому же благодаря техническим средствам все запечатлевается и публикуется.

Возникает впечатление, что в мире чудовищная жестокость – девочки побили другую девочку и выложили съемку в интернет. Да назовите мне класс, в котором девочки или мальчики не били другую девочку или мальчика! Просто телефонов с камерой раньше ни у кого не было.

Мы еще не осознаем масштабы снижения насилия, мы просто его наблюдаем. Вообще, глобальное снижение преступности, *great crime drop* – это одна из загадок, над которыми бьются представители всех общественных наук сразу.

Почему люди перестали совершать преступления? Среди попыток объяснения этого феномена есть довольно экзотические, типа улучшения качества бензина и снижения количества свинца в выхлопах. Свинец, как известно, повышает агрессию.

Американская версия: поколение преступников просто не родилось, потому что тридцать лет назад неблагополучным слоям стала доступна контрацепция.

Не улучшилась статистика только по двум видам преступлений: это киберпреступления и почему-то кражи мобильных телефонов. Количество случаев уличного хулиганства снизилось очень сильно, и одна из причин, которые называют, – компьютерные игры.

Компьютерные игры вообще нас всех спасут: это и новые рабочие места, и симулякры войны для молодых людей. Как социуму обойтись без войны, когда для всех предыдущих поколений человечества это было основное занятие элиты, способ решения политических конфликтов, способ экономического продвижения? Чем заниматься политической верхушке, если войну отменили?

Исследования показывают, что молодежь все больше интересуется едой. Вы обратили внимание, как много мальчиков и девочек учатся готовить?

– Если раньше «в кулинарный техникум пойдешь» было страшным проклятием, то сейчас наоборот.

– Это чудная, творческая и очень востребованная профессия, где нас еще некоторое время не заменят роботы. Сейчас, выбирая профессию, нужно задавать себе вопрос: это может делать робот? Если может – не занимайтесь этим.

– Шеф-повар – это же вообще одна из самых высокооплачиваемых профессий!

– Это и новые звезды. Никто больше не хочет смотреть на рок-музыкантов, употребляющих наркотики. Все хотят смотреть на Джейми Оливера, который что-то там готовит в обществе своих пятерых детей.

Отсутствие мотивации будет социальным преимуществом

– При этом часто говорят, что у современной молодежи достаточно низкий уровень мотивации. Я сама чувствую, что не могу сказать своим детям: «Учись хорошо – будет у тебя все хорошо, иначе в дворники пойдешь». Я понимаю, что сегодня люди, которые не закончили даже десять классов, совершенно прекрасно устроены и все у них хорошо.

– Отсутствие мотивации может стать прекрасным и очень актуальным свойством для того поколения, которому предстоит жить в экономике пост-дефицита и, возможно, пост-труда.

Представьте себе, что автоматизация производства дала нам чрезвычайное удешевление всего того, за что убивались люди предыдущих поколений: мебели, бытовой техники, автомобилей, одежды, других материальных предметов. Что, действительно, после экономики владения наступает экономика пользования. Что наши потомки будут смотреть на нас с нежной жалостью за то, что мы стремились приобрести куски собственности и таскали их за собой.

Может быть, утром дроны по предварительному заказу будут доставлять к их двери капсулы с одеждой, а вечером забирать. У них не будет собственности, жилье будет съемным. Объективно они будут беднее нас, но их уровень жизни будет выше.

Это кажется парадоксом, пока мы не попробуем оглянуться на какой-нибудь предыдущий исторический период и взять для удобства сравнения уровень потребления и уровень жизни тогдашней элиты.

У аристократии были бриллиантовые тиары и дворцы, которых у нас нет, но при этом у них не было возможности лечить зубы, они умирали рано и страшной смертью, их дети мерли, как мухи, они физически безумно страдали, жили в дискомфорте, в холодных помещениях со сквозняками, у

них не было канализации и водопровода, им было трудно помыться – в общем, каким бы ты ни был выдающимся царем, графом или герцогом, с нашей точки зрения твой уровень жизни и комфорта был чудовищно низким.

Если этот процесс будет продолжаться, если он даст те результаты, которые нам сейчас описывают футурологи экономической направленности, то отсутствие мотивации бежать за ускользающим долларом или убегающим рублем с целью поймать его и обеспечить себе жизнь – это будет очень хорошо.

Отсутствие такой мотивации будет социальным преимуществом, потому что человеку будет нужна мотивация иного типа: мотивация к самореализации, к проявлению своей уникальности, того в себе, что не может заменить робот.

Труд в нашем сегодняшнем представлении станет никому не нужен, потому что от твоего труда только экологическая ситуация ухудшится, а вот от твоего творчества будет прибавочная стоимость и дальнейший прогресс человечества.

Если выразаться менее возвышенно, отсутствие мотивации – чрезвычайно ценное качество для людей, которым предстоит жить в обществе, где их работа не нужна. Для того чтобы они не чувствовали себя выброшенными из социума и никому не нужными, у них должна быть другая психология, другое устройство головы. Они не должны считать получение фишечек целью своих усилий. Они должны спокойно относиться к осязаемым достижениям, к должностям, наградам, деньгам – собственно говоря, к внешним признакам статуса.

Мы видим, как человечество потихонечку к этому идет. Смотреть всегда надо на Первый мир и его передовые отряды, потому что они задают нормы, которые потом будут всеобщими. Там мы видим пятьдесят серых толстовок Цукерберга, скандинавизацию поведения элит, показную скромность и смерть того демонстративного потребления, которое в свое время принесла с собой буржуазия, когда стала правящим классом.

Хороший человек – это профессия

Возникает проблема нового века: как и чем занять людей, чья работа не нужна. Кажется, что жизнь с гарантированным гражданским доходом, когда работать не надо, будет прекрасной мечтой, но на самом деле человек от этого болеет и умирает. Исследования показывают, что у лишившихся работы людей процесс саморазрушения начинается гораздо раньше, чем наступает материальная нужда.

Человек должен быть включен в социум, ему нужно признание, ему нужно ощущать себя важным и полезным, делающим нечто ценное, ему нужны смыслы. Если дать ему деньги и сказать: «А теперь иди и ничего не делай», – он начнет болеть, чахнуть и разрушать себя.

Известный экономист Роберт Скидельски, бывший член британского парламента, сказал следующее: одна из задач новой эпохи – научить всех жить так, как раньше жила только аристократия, и при этом не сойти с ума. Кажется, что это вообще не проблема, но на самом деле это очень большая проблема.

Решаться она будет тем поколением, которое, слава Богу, равнодушно к цацкам и понтам, которое наконец скинет это ярмо со своей души, которое сейчас уже говорит, что главная ценность – это семья, что создание семьи – это большее достижение, чем карьерный успех, что главное – это отношения, которое ценит коммуникативные навыки.

Это очень правильно, потому что пресловутая эффективность есть у робота, человеку она становится нужна все меньше и меньше.

Помните, было такое советское выражение: «хороший человек – это не профессия»? Сейчас мы приходим к обществу, в котором другой профессии нет: есть только профессия хорошего человека, а все остальные могут быть автоматизированы.

От человека требуется коммуницировать с другими людьми, создавать и поддерживать отношения, организовывать людей. На первый план выходят менеджерские качества, но не в смысле выжать максимум из работника, а в смысле поддержать совместную работу, сделать ее радостной и удовлетворяющей тех, кто в нее вовлечен.

Это становится чрезвычайно ценным, и в этом смысле новое поколение выглядит очень перспективно. Вообще, кто общается с двадцатилетними, тот в большом восторге от них, я как преподаватель могу это подтвердить.

Ценность семьи будет только расти

Происходит размывание границ «мужского» рабочего и «женского» домашнего пространства. Повышение ценности семьи и семейных отношений привело к тому, что женщины не захотели бросать своих детей, но и работу бросать тоже не захотели. Великая дилемма «семья или работа» осталась в XX веке: это проблема для промышленной экономики, когда твоя работа состоит в том, что ты либо сидишь в конторе, либо стоишь на заводе. Все больше и больше людей работает дома и выезжает на совещания, только чтобы хоть как-то обувь на каблуках выгулять.

Ценность семьи будет только расти, потому что люди все больше и больше живут дома. Удаленная работа и развитие доставки возвращает нас по домам. В XX веке человек у себя дома, считай, и не бывал: он утром на завод выезжал, с завода вечером приезжал, в отпуск ездил в санаторий, детей на три месяца отправлял в пионерский лагерь, и посмотреть, кто у него в квартире живет, возможности толком не было. Это, с одной стороны, укрепляло семейные отношения, с другой – уничтожало их, кому как повезет.

Сейчас люди живут дома и ставят свои отношения с домашними на первый план. Это чем-то напоминает традиционное общество: изба и прялка, только вместо прялки у нас компьютер. А когда вертикальные фермы появятся и накормят наши города, поселения будут становиться все более и более автономными.

Мы еще увидим какие-нибудь деревни староверов или поселок художников, которые вообще ни в чем не нуждаются: у них есть солнечная батарея на крыше, от которой они получают электричество, они провертели себе скважину, оттуда получают воду.

У них стоят вертикальные фермы, на которых они выращивают себе еду, к ним прилетает дрон и приносит все, что им нужно, не говоря уже о том, что они это могут напечатать на 3D-принтере, который стоит прямо тут же. Жизнь в городах изменится очень сильно.

Очередь выстраивается за окситоцином

– При этом нет ли такого чувства, что очереди за айфонами и какими-то особыми кроссовками – это свидетельство повышенной потребности в маркерах своего социального статуса?

– Это квест, это приключение. Раньше человек старался избежать физического труда, потому что это было проклятье и удел нижестоящих. Чем выше ты взбирался по социальной лестнице, тем меньше ты работал физически и тем больше ты ел жирной еды. Богатый от бедного отличался очень просто: у богатого были длинные ногти, белые ручки и специальная одежда, которая показывала, что он не работает, и уж в совсем традиционных обществах ориентального типа у него был еще большой живот (может позволить себе есть много жирного мяса!).

Сейчас все перевернулось: бедный – толстый, богатый – худой. Мы специально бегаем и прыгаем, занимаемся физическим трудом и поднимаем тяжести для того, чтобы быть здоровыми. Точно так же стояние в очереди, которое было проклятием для советского человека, высасывало его кровь, делало его агрессивным и вообще уничтожало его жизнь, теперь становится прекрасным увлечением. Смотрите, мы стоим все вместе, у нас adventure, люди покупают специальные билеты на то, чтобы им квест устроили.

– Я несколько раз слышала от людей, которые организуют квесты, что от них у молодежи какая-то наркотическая зависимость.

– Несмотря на онлайн, несмотря на прославленные мной компьютерные игры, природа человека не изменилась: человек – социальное животное, он нуждается во взаимодействии с себе подобными. Это взаимодействие в онлайн не хуже, чем в офлайн, но человек хочет взаимодействовать и в реальном мире. Квесты дают не столько адреналин, сколько командность.

Кстати говоря, это ровно то, зачем люди ходят в благотворительность, некоммерческие организации, политический активизм. Многие думают, что люди ходят туда жертвовать собой, – это очень опасное заблуждение. С теми, кто пришел с такими представлениями в благотворительность, будут происходить плохие вещи.

Надо понимать, что люди приходят туда за окситоцином – гормоном счастья, который вырабатывается при успешной совместной деятельности. Тот, кто попробовал сладкий вкус успеха во взаимодействии с другими, будет за этим приходить еще и еще.

Вообще-то этот опыт должна давать человеку школа. «Я не знал, я узнал, и теперь у меня получилось». Если бы кто-то обладал достаточным педагогическим талантом для того, чтобы воспроизводить этот опыт для учеников, то дети обожали бы школу. Делать то, что получается – это большое удовольствие.

Принудительная публичность – новый инструмент давления

– У нас получилась совершенно идеальная картина современной молодежи. Какие у них есть проблемы, темные стороны?

– Люди, которые смотрят на происходящие социокультурные процессы недоброжелательными глазами, называют формирующуюся культуру культурой слабости – в противоположность культуре силы, которая была до того.

Что плохого можно сказать об этой культуре слабости? Она фетишизирует жертву и тем самым побуждает людей объявлять себя жертвами для того, чтобы получить привилегии. Снижая общий уровень насилия, в особенности физического, она вырабатывает новые формы насилия, первой из которых я бы назвала принудительную публичность.

Есть в соответствующем сообществе термин «аутинг». Есть каминг-аут, когда ты рассказываешь о себе, а есть аутинг, когда я рассказываю, что ты такой-то. Это инструмент давления новой эпохи.

Парадоксально, но, как и в традиционном обществе, в обществе новом все оказываются завязаны на репутации. Все живут на виду, всё открыто, записано и может быть опубликовано, данные доступны не только государствам и корпорациям, но и гражданам.

– **О тебе все известно, начиная с момента, когда мама пришла в мамское сообщество и сказала: «Что-то у нас сегодня с памперсом проблемы».**

– Да, совершенно верно, и твоя фотография с памперсом и без из глобальной сети не исчезнет никогда и будет преследовать тебя по жизни. Соответственно, репутация – это все, и крах репутации закрывает человеку все его социально-профессиональные перспективы. Он не может сказать: «Да, предположим, я сволочь и плохо поступал, но зато я профессионал».

Никому не нужен твой профессионализм. Ты продаешь некий продукт, центральный элемент которого – твоя личность. Если твоя личность вызывает отвращение и отторжение, то нельзя сказать: «Да, я дал женщине по заднице, но я хороший актер». Не важно, какой ты актер, люди приходят посмотреть на тебя в фильме, и они должны к тебе хорошо относиться. Если они к тебе плохо относятся – они не пойдут на фильм с тобой, есть много других фильмов с хорошими людьми.

– **Викторианское какое-то отношение.**

– Мы уже упоминали о специфическом отношении к сфере сексуального среди молодого поколения. Надо признать, что мы с вами въезжаем на полной скорости в культуру, относящуюся к сексуальности если не негативно, то подозрительно.

Для всех нас было бы лучше, если бы нормы задавала старая добрая развратная Европа, но в современном мире они задаются Америкой, а Америка – страна пуританская. Они буквально несколько десятилетий, с конца 60-х, прожили в ситуации, когда секс считался чем-то скорее хорошим, чем плохим, и, видимо, им не понравилось.

Сейчас мы видим, как американское общество с очень большим удовольствием возвращается в парадигму, в которой секс – это плохо. Когда они были пуританами, то говорили, что это грешно, теперь они говорят, что это опасно. Сексуальное общение становится опасным с разных сторон: во-первых, ты никогда не можешь быть уверен, что твое поведение не будет признано насилием, а во-вторых, ты открываешься другому человеку и не знаешь, как он себя поведет. Это было всегда, но сейчас эти риски превышают выгоды.

При доступности технологических средств для решения этой проблемы, следующим поколениям идея, что ради того, чтобы получить оргазм, нужно связываться с целым другим человеком, будет казаться дикой. Отношения они будут ценить, конечно, но секс будут ценить меньше. Так что целомудрие и воздержанность – это, похоже, наше все.

Отстаивать права будут менее агрессивно, но более настойчиво

Новое поколение, возможно, будет по нашим понятиям более трусливым. Пойти против общества будет с каждым следующим поколением все более и более сложным делом. У людей есть потребность жертвовать собой, но когда на твоих общественных отношениях так много всего завязано, а уровень комфорта так велик, эта потребность реже будет реализована.

Если смотреть с политической точки зрения, отсутствие ярко выраженной мотивации на победу и достижения и социальная конформность может сделать из них более пассивных граждан. Но, с другой стороны, идея о максимальной ценности самовыражения и самореализации, а не накопления материального, будет работать против той тенденции, которую я описала: человека, который полностью завязан на материальный стимул, еще проще сделать конформистом. Человек, который понимает, что он не будет социально успешен, если не будет развивать свою личность, и который свою личность ценит выше всего, будет менее агрессивен, но будет тщательнее стеречь свои границы и с большей настойчивостью отстаивать свои права.

Сейчас по сети гуляет текст про молодую девушку, которую с ребенком положили в больницу, и она там устроила борьбу за свои права, потому что ей не понравилось, как с ней обращаются.

Дети, рожденные в 90-е, стали родителями, и они не считают унижающее и агрессивное отношение нормальным. Самое главное – что норма меняется.

Нормой может быть все что угодно: жертвоприношение первенцев, ритуальное убийство, храмовая проституция, геноцид. Человек – настолько пластичное существо, что в зависимости от условий и общественных установок он может вести себя как ангел, а может как последняя сволочь (причем один и тот же человек). В психологических экспериментах вроде стэнфордского, когда людей переодевают в заключенных и охранников, они начинают несусветные вещи вытворять. Когда нужно током бить за неправильный ответ того, кого ты не видишь, люди доходят до смертельного, как они считают, напряжения.

Обычно эти результаты интерпретируют в том духе, что каждый человек в душе – кровожадное животное. Ничего подобного. На самом деле эти эксперименты говорят о том, что человек бесконечно адаптивен, он соблюдает правила. Это наша психическая норма: какие правила – такие и мы, поэтому изменение правил, изменение понятий о приемлемом чрезвычайно важно. Если мы видим снижение толерантности к насилию во всех его формах, общий тренд не может не радовать.

– **Сейчас есть большой голод по милитаристским ценностям.**

– Прошу прощения, что я сразу к выводам перехожу, но, как мы видим на основании данных исследований, это, похоже, последние гастроли поколения 60+.

Главный принцип родительства, как и в медицине – не навреди

– **Сколько лет вашим детям? Поделитесь лайфхаками по взаимодействию?**

– Моим детям 9 лет, 5 с половиной и 2 года и 3 месяца. Я еще на том идиллическом этапе, когда от меня не требуется особых родительских подвигов по налаживанию отношений. В этом смысле хорошо иметь много детей, потому что, по прекрасной формуле, принадлежащей моему мужу, все счастливые семьи похожи на ферму или небольшой питомник.

Когда больше двух детей – это уже не совсем частная жизнь, это такое предприятие. Производственный элемент во многом упрощает жизнь, отношения выстраиваются вокруг этой производственной необходимости довольно здоровым образом: вас много, я одна, есть какие-то вещи, которые надо сделать, это все понимают и в это встраиваются.

При том, что это усложняет жизнь логистически, морально это ее упрощает. Я думаю, что люди, запертые наедине со своим единственным ребеночком, которые думают, как его развивать, как с

ним общаться, как не подавить его личность, может быть, в какой-то мере ведут более сложную и нервную жизнь.

– Какие главные навыки и компетенции вы хотели бы заложить детям? Александр Архангельский говорил, что сейчас главное, чему он хочет научить студентов, – это умение действовать по-новому и искать выход в новых ситуациях. Мы не можем дать полный объем знаний, потому что они станут другими, а вот адаптироваться к переменам научить можно.

– Как человек, выросший в семействе педагогов, могу сказать такую вещь: педагоги сами не очень верят в воспитание и очень верят в наследственность. Воспитание – это здорово, но ребенок вырастает похожим на своих родителей. Мы просто живем все вместе и, поскольку это мои дети от моего мужа, то я не считаю, что они как-то принципиально глупее меня. Они сами свои скилы прокачают.

Я совершенно не верю в идею конкуренции между людьми: люди разные и хотят разного, поэтому, если они конкурируют за один объект, скорее всего, одному из них этот объект не нужен, просто он еще не догадался об этом. У Гофмана есть такая новелла, называется «Выбор невесты». У невесты было три жениха, они все хотели на ней жениться. Потом пришла фея и предложила каждому выполнить его желание.

У читателя возникает вопрос: как же так, они все хотят эту невесту?! В результате один из них получает невесту, второй – кошелек, в котором никогда не кончатся деньги, а третий – книжку, которая по желанию превращается в любые книжки (киндл!). Один из них любил девушку, другому нужны были деньги, а третьему хотелось бесконечную библиотеку, при этом они все конкурировали за эту самую невесту. Я думаю, что эта ложная невеста и является драйвером ложной идеи конкуренции.

Я не верю в то, что можно деток так выдрессировать, чтобы они были конкурентоспособны. Как показывает практика, главными препятствиями на пути жизненного успеха и счастья становятся не недостаток навыков и знаний – они приобретаемы, а собственные психологические депривации. Нам мешают тревожность, страхи, обсессивно-компульсивное расстройство, склонность к анорексии и прочее подобное. Если всего этого не будет, если человек будет психологически достаточно здоров и благополучен, то он добьется всего, чего хочет.

Мне кажется, я для детей уже все основное сделала: сама их родила от наилучшего возможного отца, выращиваю в благополучной семье, где никто их не обижает, а если кто-то пытается обижать снаружи, то я не поощряю такого поведения. Вот, собственно говоря, и все. Принцип «не навреди» что в медицине, что в родительстве базовый.

Навредить легко – человечество накопило большой опыт в этом деле, а вот дать ребенку вырасти цельным, по дороге не натыкав ему пальцем в чувствительные места, затруднительно. Я бы скорее следила за собой в этом отношении. Как нынче говорят, как бы вы себя ни вели, ваши дети найдут, на что пожаловаться своему терапевту. Я принимаю этот факт – пусть они жалуются терапевту. У кого мама была дома, те будут жаловаться, что мама все время присутствовала и нависала. У кого мама работала – что ее не было и не хватало...

– Иногда боишься, что накричишь на детей, а они с этого начнут свой поход к психотерапевту через 15 лет.

– Как говорил Аристотель, берегите слезы своих детей, чтобы они могли пролить их на вашей могиле. Не заставляйте их плакать, пока вы живы, пусть плачут, когда вы помрете.

Мы в нашей цивилизации не хотим, чтобы они и тогда особенно плакали: порем и порем, ничего чрезвычайного в этом нет, а они пускай живут себе счастливо дальше. Что возвращает нас к пушкинской цитате, с которой начался наш разговор. :)

ИСТОЧНИК:

<http://www.pravmir.ru/ekaterina-shulman-sovremennaya-molodezh-samoe-pravilnoe-iz-vseh-pokoleniy-kakie-tolko-mozhno-sebe-predstavit/>